Автор: Administrator
01.08.2010 14:41 - Обновлено 23.09.2010 05:19

Фрагменты из книги Бертольда Ульсамера "Главные ошибки в семейных расстановках" (Bertold Ulsamer. Die wichtigsten Irrtümer zum Familienstellen. Herder, Freiburg, 2007)

Перевод с немецкого Марины Травковой, февраль 2008.

Использование материалов данного сайта разрешается только в некоммерческих целях, с обязательным указанием авторов, редакторов, переводчиков и активной ссылкой на www.constellations.ru
.
Подробнее о правилах использования материалов сайта>>

«Всякому дано расставлять семьи»

Предпосылки ответственной расстановочной работы

Кажется, что почти каждый может расставлять семьи. Это зачастую выглядит так просто, особенно когда смотришь за работой опытных расстановщиков: попросить выбрать заместителей, опросить их, немного поменять местами, ну и закончить расстановку. Насколько на самом деле комплексными и многосторонними являются расстановки, нередко начинаешь понимать только со временем.

Всякому позволено расставлять семьи.

Терапевты, открывающие новый метод, зачастую начинают с того, чтобы защитить свою методику и свои взгляды. Они придумывают методу имя и делают из него торговую марку. Чтобы гарантировать, что под этим определением выступают только специально обученные терапевты, они учат и сертифицируют. Большое преимущество всего этого - сохранение качества на определенном уровне. Поскольку в таком случае метод представляется только теми терапевтами, которые прошли основательное обучение и наработали во время оного обширный опыт.

В семейных расстановках иначе. Всякий может предлагать семейные расстановки, поскольку само определение метода не защищено. Рассматривая один только этот аспект, можно считать, что де-факто всякому позволено расставлять семьи.

Хеллингер с самого начала не рассматривал себя как изобретателя метода, который можно было бы запатентовать. Он больше ощущал себя неким каналом, через который откуда-то проникают знания и понятия. Познание представлялось ему не личным достижением, а неким даром. Откуда же тогда у него было бы право патентовать семейные расстановки и монополизировать их?

Вместо этого он хотел показать и приблизить их к как можно большему числу людей, без извлечения какой либо выгоды для себя. Во времена массовых семинаров, когда плата была высокой, он не откладывал деньги для себя, а использовал для будущего расстановочной работы, например для видео о расстановках, которые профессионально снимались и обрабатывались по его заказу.

Вместе с тем, для Хеллингера всегда оставалась центральной тема личной ответственности. Таким образом, если кто-то, посетив один из его семинаров, хотел самостоятельно расставлять семьи, это становилось личной ответственностью этого человека. Также и с клиента, который обращается за помощью, никто не может снять ответственности за поиск компетентного терапевта.

Прибавим к этому, что в первые годы методу не обучали. Хеллингер не представлял себя учителем. По его мнению, семейным расстановкам нельзя было никого научить. Он считал, что человек может заниматься расстановками, если он или она имеет достаточно мужества довериться полю и при этом умеет всякий раз заново и без предубеждений всматриваться в него. Преподавать такое отношение (он назвал его «феноменологическое») как учебный материал в школах казалось ему немыслимым.

Свою работу Хеллингер видел в том, чтобы вести терапевтические группы, в которых он представлял свои знания, одновременно развивая их. Те, кто хотел у него учиться, просто участвовали в таких группах.

С самого начала вокруг Хеллингера собралась группа опытных терапевтов, которая сопровождала его долгие годы его развития. Время от времени он поощрял то одного, то другого сделать расстановку: «Ты тоже можешь». И это было как толчок из гнезда, во время которого расправлялись крылья. Так кто-то начинал расставлять самостоятельно.

«Всякому позволено расставлять семьи». В первые годы эта фраза была верной. Так как за каждым, кто начинал работать в методе, стояла огромная практика и опыт.

Когда слава семейных расстановок распространилась широко, все изменилось. Все больше людей переживали, особенно в массовых представлениях, силу семейных расстановок. И им тоже хотелось так уметь! Обучения методу не было никакого. Но многие пробовали расставлять из одного только голого энтузиазма, при этом с минимальными знаниями.

Вместе с тем росла потребность в дополнительном образовании, и на рынке стали

появляться первые образовательные программы. Клиенты просили расстановок, терапевты верили, что могут их предложить. Кто-то из них посещал некоторые расстановочные семинары, читал книги, просматривал видеофильмы и интегрировал расстановочную работу в иные виды своей терапевтической практики.

Профессиональные и личностные предпосылки для качественной и ответственной расстановочной работы

Уже с середины 90-х годов расстановщики обеспокоились качеством своей работы. Гунтхард Вебер пригласил в то время тех из опытных расстановщиков, которым было небезразлично развитие метода, посещать регулярно собирающуюся группу. Первым делом был составлен список расстановщиков и расстановщиц, чья компетенция в области расстановок не вызывала сомнений. Были разработаны и детализированы критерии принятия в этот список.

Затем в 1997 году в Вислохе состоялся конгресс с дискуссиями, докладами и семинарами на тему нового в развитии практики расстановок. С тех пор каждые два года проводятся подобные встречи; высшей точки по числу участников они достигли в 2003 году, когда вместе собрались более 2300 специалистов и интересующихся.

Журнал, представляющий собой сборник статей, «Практика системной расстановки» выходит с 1998 года два раз в год. За это время у него появился конкурент - еще один журнал «Системная расстановочная практика».

Для решения организационных и экономических вопросов был основан союз, который после некоторых переименований имеет обстоятельное название «Немецкое общество системных расстановок в Международном сообществе системных решений по Берту Хеллингеру) [В июле 2007 года эта ассоциация прекратила свое существование и на ее месте была создана ISCA - прим.ред.]. Важной задачей этого союза является определение и развитие профессиональных и личностных критериев качественной расстановки.

Что при этом существенно? Существует довольно ясное правовое разделение между личным опытом, общей готовностью давать житейские советы (что может предложить

каждый), с одной стороны, и психотерапией, с другой стороны. Для психотерапии нужны основательные знания, которые получают только в фундаментальном образовании.

Предположим, некто приходит на расстановку, так как желает улучшить отношения с матерью. Такая расстановка будет являться простым консультированием. Даже если клиент будет недоволен результатом, он сумеет осилить этот результат.

Другое дело, когда приходит некто, кто болен психически и кто живет под угрозой суицида. В такой семейной расстановке зло проступает особенно часто. Кроме того, сам клиент неустойчив, и это высокое искусство - удовлетворить кого-либо в таком состоянии. Кто работает с подобным клиентом, нуждается в большом опыте, силе, понимании и четких границах.

Семейные расстановки, с одной стороны, просты, поскольку семейные темы известны каждому и решения элементарны. С другой стороны они весьма требовательны, так как в них сталкиваются с полнотой всего плохого и хорошего в жизни: начиная с любви и заканчивая травмой, убийством и войной. Поэтому, каждый, кто расставляет, должен получить основательное дополнительное образование в этом методе.

Конечно, союз может ручаться только за своих членов и гарантировать качество только их работы. Кроме них, существует немало людей, которые предлагают расстановки под свою личную ответственность.

Помимо этого, существуют личностные предпосылки для качественной расстановочной работы. Чем больше у расстановщика ясности по поводу самого себя, тем большему будет позволено проявиться в расстановке. И наоборот: чем больше кто-то носит в себе свои неразрешенные проблемы, тем больше расстановки будут проникать только до того слоя, до которого дошло разрешение его проблем. И это очевидно: в расстановке клиента не преодолеешь того, от чего потерпел неудачу в собственной жизни.

Конечно, и опытный не совершенен. У каждого свои слепые пятна. Но чем больше эти собственные слепые пятна, тем больше путаницы привносит расстановщик с собой. Тот, кто знает о своих слепых пятнах, будет особенно осторожен с определенными проблемами. Поэтому так полезна супервизия, - чтобы на случаях, представляющих

особую сложность, учиться дальше.

И что, собственно, должно быть само собой разумеющимся: тот, кто расставляет, должен сделать как клиент расстановку и своей нынешней, и своей родительской семьи.

Расстановщики работают на разной глубине того, что возможно. Это вопрос жизненного опыта, терапевтического опыта и возраста. Когда видишь Берта Хеллингера, как он работает с вопросами жизни и смерти, - чувствуешь, какая тут глубина. В 80 лет с вопросами жизни и смерти обходятся иначе, нежели в 25 или 50. При этом, конечно, бывают и исключения, когда кто-то в юные годы поражает зрелостью и мудростью.

Области границ

Не всякий, участвующий в расстановочной группе, извлекает из нее пользу. Все чаще я слышу также и о людях, которые возвращались с таких семинаров ослабленными или обиженными (оскорбленными, ранеными). Поэтому я хотел бы назвать несколько пунктов, по поводу которых у меня есть опасения, которые кажутся мне опасными в расстановках. Кто принимает в расстановках участие как клиент, должен быть особо бдителен. Если он знает, что нечто не принадлежит к сущности расстановки, то в такие моменты ему лучше прислушаться к своему внутреннему голосу.

Самым важным пунктом я называю «насаждаемый авторитет», который представляет большую опасность в расстановочной работе. Под этим я не имею в виду настоящий авторитет, который происходит из собственной уверенности и не теряет при этом из виду остальных. Насаждаемым я называю авторитет, который влияет или хочет влиять насильственно и который в этот момент не воспринимает клиента. Он узнается по тому, как кто-то оказывает на клиента давление, в том числе моральное.

Всякий метод несет на себе отпечаток того, кто его развивает. Сначала трудно разобрать, что является сущностной составляющей метода, а что - собственные «оттенки» основателя метода и его личностных качеств.

Можно было видеть, как Хеллингер на сцене говорит авторитарно, не вступает в дискуссии и полностью остается при своем мнении. К сожалению, иные расстановщики перенимают этот образ, авторитарность по Хеллингеру, как образец. Под девизом «так я должен выступать, чтобы хорошо расставлять семьи». Иные даже считают это сущностной частью метода. К тому же для многих привлекательна сама позиция - знать, что верно, или, по крайней мере, делать вид, что знаешь. И тогда всплывает этот фальшивый авторитет: собственный опыт отсутствует, но это обыгрывается подчеркнуто уверенным и авторитарным поведением. Внезапно обнаруживается, что никто не всматривается вглубь, а только пытается навязать какое-либо послание. Этим он может повредить людям или направить их по неверному пути.

Порой уверенность и авторитет ведущего ценны для клиента. Четкая позиция по отношению к порядкам всегда полезна. Но сформулируем предельно ясно: авторитарное поведение не является сущностной составляющей семейных расстановок.

В той же плоскости, что и насаждаемые авторитеты, нередко лежат и нравственные принципы и требования. Расстановочная работа знает определенные основные допущения, я бы даже попытался назвать их «основными истинами», которые ведут расстановщика. К ним, например, относится то, что дети и родители связаны любовью. На глубине существуют общие узы любви между родителями и детьми. Исцеление приходит, когда дети уважают родителей.

У убежденного в этом терапевта - хороший базис для работы. Но он состоит не в том, чтобы убеждать в этом своих клиентов. Каждый в своей жизни находится на каком-то месте. Может быть, для кого-то на его месте как раз важно сепарироваться от родителей и быть лицом к лицу с собственной болью и яростью. Тогда это не тот момент, чтобы сказать, указуя перстом: «ты будешь счастлив, только уважая своих родителей». Из видения терапевта возникает нравственное требование. Клиенты, которые в этот момент воспринимают это иначе, чувствуют себя после этого виноватыми или им плохо. Это не исцеляет, а ослабляет.

Терапевты - не спасатели своих клиентов. Они не знают, в чем именно дело для данного конкретного клиента. И если у кого-то есть чувство, что он как ведущий разрешает и исцеляет, то он всего лишь раздувает щеки.

В моем понимании, у хорошего терапевта есть представление о ситуации клиента, он

может сочувствовать и давать свободу, принимать или не принимать то или иное убеждение. Ведущий расстановку находится на службе у клиента. Он поддерживает клиента, чтобы тот узнал что-то. К искусству расстановки принадлежит и скромность.

В начале семейных расстановок они были, вопреки всем своим мистическим сторонам, по настоящему устойчивыми и крепкими. Сегодня это не везде так. По моему представлению, хорошая расстановка приносит пользу в ежедневной практической жизни. Возможно, меняется само представление о методе, или установки, или отношение к людям.

Существует эзотерический соблазн дрейфа в сторону «высоких сфер». Это направление кажется мне ошибочным путем - только твердая почва под ногами дает опору.